

ФАКТОРЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ

© 2008 г. А. И. Лактионова*, А. В. Махнач**

* Младший научный сотрудник, Институт психологии РАН, Москва

** Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, там же;

e-mail: a.makhnach@psychol.ras.ru

Обосновывается необходимость изучения жизнеспособности как индивидуальной способности человека управлять собственными ресурсами. Приводятся результаты апробации на российской выборке теста оценки жизнеспособности детей и подростков, разработанного в рамках международного проекта по исследованию жизнеспособности. Определяются факторы жизнеспособности девиантных подростков, обеспечивающие их социальную адаптацию: “Личностные характеристики”, “Отношения”, “Субкультура”, “Общество”, “Страна”.

Ключевые слова: жизнеспособность, факторы жизнеспособности, факторы риска, тест оценки жизнеспособности детей и подростков, девиантные подростки.

Подростковый возраст является сложным кризисным периодом развития. По мнению К. Левина, подросток находится в положении “маргинальной личности”: он уже вышел из детского возраста, но еще не стал взрослым. Типичными чертами такой личности являются эмоциональная неустойчивость, чувствительность, застенчивость, агрессивность, конфликтность, склонность к крайним суждениям и оценкам [13]. Э. Эриксон вводит термин “психологический мораторий”, которым обозначает кризисный период, в течение которого в личности происходят сложные процессы обретения взрослой идентичности [27, с. 15].

В этом возрасте подросток сталкивается с множеством трудностей и не всегда оказывается в состоянии выработать соответствующие новой ситуации механизмы их преодоления [24]. Это тем более справедливо с учетом того, что “социальный фон воспитания детей в современной России определяется как кризисный и неблагоприятный” [17, с. 32]. В этой связи особую теоретическую и практическую значимость приобретает изучение способов оптимизации процесса социально-психологической адаптации российских подростков и определение основных направлений работы для психологов, педагогов и социальных работников. Необходима разработка специальных психодиагностических средств измерения социальной адаптации личности [23, с. 209].

В оценке социальной адаптации важную роль играет измерение *жизнеспособности* – способности человека или социальной системы строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях [4, с. 13–15], управлять ресурсами собственного здоровья и социально приемлемым способом использовать для этого семью, обще-

ство и культуру [42, с. 90]. Термин “жизнеспособность” (*resilience*) буквально переводится как гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям) и как способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние. Впервые это интегративное качество личности было рассмотрено Е. Вернером и его сотрудниками¹ в ходе сорокалетнего лонгитюдного исследования, в котором приняли участие 697 жителей острова Кауи (Гавайские острова). Жизнеспособность была определена как *баланс между факторами риска* (бедность, перинатальный стресс, родительская психопатология или дисгармония) и *защитными факторами*. Большинство участников из группы *низкого риска* становились компетентными, уверенными в себе, заботливыми взрослыми. В группе *высокого риска* примерно две трети юношей и девушек к 18 годам не были адаптированы к жизни, имели судимость, психические, серьезные супружеские проблемы или были разведены. В то же время треть молодых людей из этой группы, за которыми психологи наблюдали с рождения вплоть до достижения 40-летнего возраста, выросла компетентными, уверенными в себе. Они жили в устойчивых браках, имели хорошие отношения со своими детьми, работали и не злоупотребляли алкоголем. Авторы определили относительный вклад факторов риска и защитных

¹ В отечественной литературе этот термин впервые был введен Б.Г. Ананьевым (1977), который, раскрывая содержание структуры индивидуального развития человека, рассматривал жизнеспособность как фактор его долголетия (см. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. М.: Институт практической психологии, Воронеж: МОДЭК, 1996. С. 224).

факторов в благоприятный исход в группе высокого риска [43]. Их исследование показало, что условия воспитания являются более значимой детерминантой успешного развития, чем пренатальные и перинатальные трудности. Наиболее значительное влияние имели темпераментальные и личностные (компетентность, самоуважение, самооффективность) качества, которые оказались важнее, чем межличностные переменные (родительская компетентность, поддержка внутри и вне семьи).

Термин “жизнеспособность”, указывающий на интегративную характеристику личности, появился в отечественной литературе совсем недавно [5, 15]. В связи с этим необходимо пояснить, что понятие “жизнеспособность” отличается от понятия “совладание с трудными жизненными ситуациями”, так как подразумевает не просто преодоление человеком трудностей и возврат к прежнему состоянию, а прогресс, движение через трудности к новому этапу жизни. Таким образом, оно включает в себя два понятия: способность сопротивляться разрушению (совладать с трудными жизненными ситуациями, защищать свою целостность) и способность строить полноценную жизнь в трудных условиях (планировать свою жизнь, двигаться в определенном направлении в течение какого-то времени) [4]. Мы определяем *жизнеспособность* как индивидуальную способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой и когнитивной сферами – в контексте социальных, культурных норм и средовых условий [35].

Жизнеспособность не является неотъемлемым и стабильным качеством: она изменяется в зависимости от вида стресса, его контекста и иных факторов, которые можно определить как *факторы риска* и *защитные факторы*. Кроме того, жизнеспособность может меняться со временем и в разных условиях [34]. Так, Ваништендаль считает, что жизнеспособность может находиться в латентном состоянии, но в силу различных событий, происходящих в жизни индивида, его способность сопротивляться разрушению и строить свою жизнь вопреки трудностям может “перейти в активную фазу” и даже усилиться. Иными словами, сам процесс перехода из пассивного состояния в активное может повышать жизнеспособность и в результате приводить к позитивному развитию в тяжелой жизненной ситуации [4, с. 3].

Проведенные на подростковой выборке исследования показывают, что жизнеспособные подростки адаптируются к неблагоприятной среде благодаря твердой уверенности в своих силах, навыкам преодоления трудностей и умению избегать опасных ситуаций [44]. Если подросток нормально взаимодействует со своим окружением,

способность к полноценному существованию и сопротивлению трудностям усиливается, но если это взаимодействие нарушается, жизнеспособность постепенно утрачивается, и в процессе адаптации происходят сбой [40]. Сбой в процессе адаптации, т.е. неспособность к выработке или овладению навыками, знаменующими начало новой стадии развития, является следствием сложного и длительного взаимодействия внешних условий и внутренних процессов индивидуального развития [15].

Жизнеспособность подростков связана с *защитной триадой*, которая включает: 1) индивидуальные возможности, 2) тесные семейные связи и отношения со сверстниками, а также 3) возможность получения поддержки общества [31]. Эти личностные и ситуативные переменные, уменьшающие вероятность нарушения адаптации у индивида, можно отнести к защитным факторам, или факторам жизнеспособности. Факторы риска, напротив, увеличивают вероятность того, что у индивида возникнут трудности. Таким образом, качество “жизнеспособность” связано с непрерывными интеракциями между защитными факторами и факторами риска, возникающими между индивидом и его окружением [16]. Защитные факторы и факторы риска имеют относительный характер, поскольку одно и то же событие или условие может выступать в качестве как защитного, так и рискованного, в зависимости от общего контекста, в котором оно возникает [38]. И нормальное, и асоциальное развитие подростков во многом зависит от социального окружения. Жизненный опыт подростка следует рассматривать в контексте семьи, общества, культуры в целом и его отношений со сверстниками [35]. При этом изменчивость социальной среды требует учета событий, непосредственно влияющих на подростка в конкретной ситуации и в конкретное время, а также способных оказать влияние в ближайшей или отдаленной перспективе [15].

Известно, что важным условием эффективности адаптационного процесса является удовлетворение актуальных потребностей, среди которых наибольшее значение имеют потребности в материальном благополучии; благоприятных условиях проживания; получении знаний; чувстве общности, принадлежности к определенной группе; общении, хороших взаимоотношениях; самореализации, возможности быть самим собой; социально-психологической защищенности, уверенности в будущем. Подростки нуждаются в позитивном социальном окружении, должны иметь возможность поддерживать отношения со всеми членами семьи, друзьями-сверстниками, обучаться в хорошей школе, вести здоровый образ жизни, полноценно питаться и т.д. [41]. Неудовлетворение этих потребностей приводит к серьезным нарушениям их адаптации.

По мнению О.П. Елисеева, чем меньше удовлетворены значимые потребности, причем не только в настоящем, но и в перспективе, тем ниже адаптация человека в социуме и тем хуже его жизнь [9]. Можно предположить, что низкий уровень социальной адаптации девиантных подростков², вступающих в конфликт с законом, семьей, обществом в целом, связан с недостаточностью социальных, культурных, межличностных и личностных ресурсов жизнеспособности.

Целью настоящей работы было изучение социальных и личностных факторов жизнеспособности девиантных подростков.

Задачи настоящей работы состоят в том, чтобы:

1. апробировать методику для оценки жизнеспособности детей и подростков;
2. выделить и описать факторную структуру жизнеспособности в исследуемой группе.

МЕТОДИКА

Участниками исследования были девиантные подростки, обучающиеся в 8–11 классах в специальных школах для девиантных подростков г. Москвы ($n = 74$, из которых 23.3% девушек, 75.7% юношей; средний возраст – 15.5 лет³).

Методика. В ходе исследования применялся тест оценки жизнеспособности детей и подростков “*Child and Youth Resilience Measure*” (CYRM)⁴, состоящий из двух частей: “национальной” и “международной”, созданных по единому стандарту в рамках международного проекта по исследованию жизнеспособности [29]. В настоящей работе была использована только национальная часть этого теста, состоящая из 15 вопросов.

Задача адаптации методики для проведения исследования в России решалась на его подготовительном этапе. Для этого привлекались эксперты международной группы по изучению жизнеспособности подростков, которые проанализировали и обсудили каждый пункт международной части теста CYRM, а также высказали замечания, в соответствии с которыми были внесены изменения в национальную часть теста. Для того чтобы национальная часть теста соответствовала целям

исследования, был создан экспертный совет в России, в который вошли специалисты в области детской и подростковой психологии, доктора и кандидаты наук.

Эксперты ответили на следующие вопросы: на какой возрастной группе подростков и молодежи нужно проводить исследование и почему; какие вопросы необходимо им задавать; на что следует обратить внимание, чтобы больше узнать о жизнеспособности подростков; каковы наиболее серьезные проблемы подростков и молодежи в нашей стране; какие способы совладания помогают подросткам и молодежи справиться с проблемами; как привлечь участников, которым этот проект был бы интересен; как должен быть организован процесс сбора данных.

В работе по созданию теста принимала участие группа студентов-первокурсников Московского городского психолого-педагогического университета. Они встречались с экспертами международной группы, которая приезжала в Москву, знакомились с проблематикой изучения данного феномена, участвовали в работе семинара по теме “Жизнеспособность подростков”. Студентам было предложено ответить на вопросы международной части теста и после этого дополнить ее не менее чем 10 вопросами, которые, по их мнению, позволили бы оценить жизнеспособность российских подростков. Таким образом было сформулировано около 100 вопросов, из которых члены экспертного совета отобрали 15 для изучения жизнеспособности подростков с учетом российской специфики. Эти вопросы были включены в национальную часть теста CYRM. В целях лингвистической адаптации национальная часть теста CYRM была переведена на английский, а затем обратно – на русский язык.

Каждый вопрос теста оценивался по пятибалльной ликертовской шкале. Посредством четырех шкал (“Черты личности”, “Отношения”, “Общество”, “Культура”) были оценены соответствующие четыре области, каждая из которых, по мнению экспертов проекта, характеризует жизнеспособность подростков: *черт личности и индивидуальных характеристик*, включающая личностные характеристики подростка, индивидуальные особенности, личностные установки, отношение к будущей профессии; *межличностных отношений*, включающая оценку конфликтных (теплых) отношений со сверстниками, членами семьи, отношение подростков к родительской заботе; *общества и государства*, включающая оценку отношения к школе, возможности получить образование, вариантов проведения досуга, ощущения безопасности в стране; *культуры*, включающая принятие/отторжение культуры, в которой подросток живет, отношение к неформальным молодежным движениям.

² И.С. Кон определяет девиантное поведение как “систему поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали” [11, с. 237]. Вслед за ним мы рассматриваем девиантных подростков как демонстрирующих антисоциальное поведение, нарушающих существующие социальные и культурные нормы, особенно правовые.

³ Исходя из периодизации Э. Эриксона, эта группа относится нами к подростковой (11–20 лет) [27, с. 15].

⁴ Существуют альтернативные зарубежные методики измерения жизнеспособности, однако, как нам известно, ни одна из них не использовалась российскими психологами и не переводилась на русский язык.

Таблица 1. Статистические показатели для определения минимального количества факторов

Фактор	Исходные собственные значения			Собственные значения после вращения		
	собственное значение	процент объясняемой дисперсии	суммарный процент объясняемой дисперсии	собственное значение	процент объясняемой дисперсии	суммарный процент объясняемой дисперсии
1	2.58	17.22	17.22	2.07	13.82	13.82
2	2.16	14.37	31.59	1.98	13.17	26.99
3	1.80	12.00	43.58	1.88	12.51	39.50
4	1.48	9.88	53.47	1.69	11.28	50.78
5	1.26	8.39	61.86	1.66	11.08	61.86
6	1.23	8.17	70.02			
7	.97	6.46	76.48			
8	.81	5.40	81.87			
9	.66	4.39	86.26			
10	.49	3.28	89.54			
11	.40	2.65	92.18			
12	.39	2.62	94.81			
13	.28	1.88	96.69			
14	.27	1.77	98.46			
15	.23	1.54	100.00			

Для уточнения и дополнения ответов участников исследования на вопросы теста *CYRM*, более полного изучения их представлений о жизнеспособности, количественные оценки по тесту *CYRM* были дополнены качественными оценками на основе структурированного интервью. Основная направленность структурированного интервью определялась четырьмя областями, характеризующими жизнеспособность подростков: черты личности и индивидуальные характеристики; отношения с близкими, сверстниками; общество и государство; культура. Респонденты отвечали на следующие вопросы:

– Что тебе нужно знать для того, чтобы твое взросление было успешным?

– Как бы ты описал людей, которые успешно взрослеют в твоей стране, несмотря на многочисленные проблемы?

– Когда происходит что-то плохое, что это значит для тебя, твоей семьи, твоего окружения?

– С какими наиболее серьезными трудностями ты сталкиваешься в ходе взросления?

– Что ты делаешь, когда сталкиваешься с жизненными трудностями?

– Что означает “быть здоровым” для тебя, твоей семьи, твоего окружения?

– Что ты и твои знакомые делают для того, чтобы быть здоровыми в умственном, физическом, эмоциональном и духовном плане?

– Можешь ли ты рассказать о другом подростке, который успешно прошел взросление, несмотря на то что у него было много трудностей?

– Можешь рассказать о том, как ты сам преодолеваешь трудности, с которыми сталкиваешься в своей жизни, в семье или вне дома, среди сверстников?

Статистическая обработка данных по тесту *CYRM* проводилась с помощью факторного анализа (метод главных компонент, варимакс-вращение). Использовался исследовательский (эксплораторный) факторный анализ, позволяющий определить, сколько и какие именно психологические конструкты (факторы) измеряются данным набором переменных. Для сокращения числа факторов применялся критерий Кайзера.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На основании критерия Кайзера (см. табл. 1) характеристики жизнеспособности девиантных подростков рассматриваются в пространстве пяти факторов.

Пригодность имеющихся данных для факторного анализа подтверждается тестом Бартлетта (табл. 2).

Таблица 2. Пригодность данных для факторного анализа (по тестам КМО и Бартлетта)

Тест Кайзера–Мелькина–Олкина		0.51
Тест сферичности Бартлетта	χ^2	279
	df	105
	p	0.001

Таблица 3. Относительная дисперсия простых факторов теста *CYRM* (национальная часть)

Переменная	Исходные	Извлечение
1	1.00	0.7
2	1.00	0.7
3	1.00	0.7
4	1.00	0.7
5	1.00	0.4
6	1.00	0.6
7	1.00	0.7
8	1.00	0.3
9	1.00	0.7
10	1.00	0.6
11	1.00	0.7
12	1.00	0.6
13	1.00	0.7
14	1.00	0.6
15	1.00	0.7

Оценка показателей относительной дисперсии простых факторов (*communalities*) (табл. 3) свидетельствует о том, что доля дисперсии в исходных переменных, объясняемая факторным решением, превышает 0.4 практически для всех переменных, большинство переменных имеет долю дис-

персии 0.7. Следовательно, ни одна из исходных переменных не подлежит исключению, и на полученных данных может быть проведен факторный анализ по методу главных компонент.

Решение с пятью компонентами (факторами) объясняет 61.86% общей дисперсии. Все переменные имеют высокие нагрузки (0.6 и выше) на компоненту, что подтверждает приемлемое качество решения факторного анализа.

Формулировки вопросов национальной части теста *CYRM*, средние значения (по пятибалльной шкале) и факторные нагрузки по пунктам в группе девиантных подростков обобщены в табл. 4.

Результаты анализа внутренней согласованности (*reliability analysis*) национальной части теста *CYRM* свидетельствуют о достаточно низкой внутренней согласованности вопросов теста (α -Кронбаха равняется 0.39), которую не удастся улучшить за счет изъятия отдельных переменных. По-видимому, для увеличения показателя внутренней согласованности вопросов теста необходимо рассчитать показатель надежности отдельно для каждой шкалы, что будет сделано в дальнейшем на более репрезентативной выборке.

Рассмотрим далее содержание каждого из пяти выделенных факторов.

В фактор 1 “**Личностные характеристики**” (объясняет 13.82% дисперсии данных, см. табл. 4) вошли вопросы, которые оценивают такие харак-

Таблица 4. Нагрузки пунктов теста по факторам после варимакс-вращения (приведены вопросы, факторная нагрузка которых превышает значение 0.6)

	Вопрос теста	Среднее значение	Стандартное отклонение	Факторы				
				1	2	3	4	5
1	Все в твоей жизни зависит от тебя?	3.65	1.26	.61		-.57		
2	Тебе нравится страна, в которой ты живешь?	3.82	0.91					.79
3	Твои друзья положительно относятся к алкогольным напиткам?	2.92	1.32			.79		
4	Ты поддерживаешь, хотя бы в душе, движение скинхедов?	2.12	1.25			.79		
5	Ты чувствуешь тепло близких, и дом для тебя не только место, чтобы переночевать под крышей?	4.26	1.16					
6	У тебя есть возможность получить такое образование, какое тебе хочется?	3.69	1.10	.59				
7	Ты сможешь себя реализовать в будущем?	3.88	1.06	.75				
8	Влияет твое материальное и социальное происхождение на отношение к тебе сверстников?	2.38	1.44					
9	Ты боишься попасть в наркотическую (алкогольную) зависимость?	3.23	1.76	-.69				
10	Ты чувствуешь себя нужным своей семье, друзьям?	3.89	1.31		.74			
11	Ты считаешь, что досуг молодежи в нашей стране организован хорошо?	3.20	1.13				.82	
12	Родители чувствуют, когда тебе плохо?	3.85	1.48		.66			
13	Ты чувствуешь себя защищенным в своей стране?	3.01	1.32					.78
14	Члены твоей семьи являются для тебя авторитетными?	3.39	1.43		.68			
15	Ты уверен, что сможешь получить свою будущую профессию?	3.36	1.15				.72	

теристики личности подростка, как стремление к самореализации (“Ты сможешь себя реализовать в будущем?”), независимости, уверенности в себе (“Все в твоей жизни зависит от тебя?”), “У тебя есть возможность получить такое образование, какое тебе хочется?”). С противоположным знаком в этот фактор вошел вопрос “Ты боишься попасть в наркотическую (алкогольную) зависимость?” Это свидетельствует о том, что у подростков, склонных к таким формам девиантного поведения, как употребление наркотиков и алкоголя, наблюдается потеря жизненной перспективы. Известно, что особенностью подросткового возраста является “проработка будущего”, формирование “перспективы дали” [2, 6, 10, 11]. Обращение к употреблению спиртных напитков и наркотиков является своеобразной формой компенсации личностных конфликтных состояний, что указывает на то, что вместо “проработки” жизненных планов, связанных с самоопределением, наблюдается уход от реальности, попытка самоутверждения в ближайшем социальном окружении при помощи протестных форм поведения. По-видимому, это связано с негативным переживанием возрастного кризиса, который сопровождается социальной и личностной неопределенностью и неуверенностью, когда подростки, испытывая негативные переживания и не имея приемлемых возможностей для разрешения кризисной ситуации, “уходят в зону риска”, обращаясь к девиантным формам поведения [25, с. 82].

В фактор 2, названный нами **“Отношения”** (объясняет 13.17% дисперсии данных), вошли вопросы, формулировки которых отражают роль семейного окружения, отношений со сверстниками для подростка (вопросы “Ты чувствуешь себя нужным своей семье, друзьям?”, “Родители чувствуют, когда тебе плохо?”, “Члены твоей семьи являются для тебя авторитетными?”).

Известно, что микросреда в несовершеннолетнем возрасте оказывает преобладающее воздействие на личность. Семья, в которой воспитывается ребенок, способна быть источником постоянной поддержки, спокойной, взвешенной оценки качеств подростка, обеспечить базисное чувство безопасности, снизить чувство тревоги, возникающее у подростка в новых или стрессовых ситуациях [21]. Современный российский подросток сохраняет эмоционально-позитивное отношение к своей семье, но имеют место некоторая “отгороженность” подростка от родителей, нежелание решать свои проблемы, используя их советы и опыт [28]. При этом подростки хотят иметь таких родителей, которые “подают хороший пример для подражания”, “хотят гордиться своими родителями, видеть их людьми, которыми можно восхищаться”, и тогда они, как правило, чувствуют себя в этом мире достаточно комфортно [22, с. 9–15, 201–215].

Одновременно в подростковом возрасте значительно возрастает роль сверстников. Являясь фактором социализации, она способствует принятию новых правил поведения подростком и дает ему опыт, который оказывает длительное и устойчивое влияние на развитие всей его личности [20]. “На сегодняшний день существует точка зрения, согласно которой именно окружение сверстников – тот фактор, который объясняет влияние среды на развитие личности: именно опыт пребывания в детских и подростковых группах, а не опыт пребывания в семье, объясняет, как среда влияет на развитие личности” [39, с. 12–13].

Высокое значение фактора “Отношения” у девиантных подростков представляется закономерным и подтверждается рядом исследований [21, 28], фиксирующих значимость семейной ситуации и отношений со сверстниками. Протестное поведение в ответ на требования взрослых подтверждает важность для них этих отношений, в которых они не могут реализовать одну из важнейших потребностей личности – в уважении и признании [1] (которая для большинства таких подростков остается неудовлетворенной, в частности из-за учебных трудностей). При этом парадоксально то, что девиантные подростки, проживающие в неблагополучных семьях, имеют высокие средние баллы при ответах на вопросы, касающиеся семейных отношений (см. табл. 4). По нашему мнению, это следует трактовать как защитную реакцию: девиантные подростки предпочитают не обсуждать с посторонними людьми эту болезненную для них тему. “Здесь Вам никто по-другому на эти вопросы отвечать не станет”, – так высказался один из учащихся школы для девиантных подростков, где проходило тестирование.

Эмоциональная депривация и неблагоприятный психологический климат семьи усиливают ощущение личностного дискомфорта. Одним из распространенных путей решения этой проблемы является переход подростка в группу, в которой его ценят (что постоянно подтверждается вербально и невербально), в которой подросток находит необходимую ему социальную опору. К сожалению, зачастую в такой новой неформальной группе доминирующей является контрнормативная шкала ценностей [3].

Таким образом, несмотря на то что отношения со сверстниками, семьей являются для этих подростков очень важными и фактор “Отношения” выделяется у них среди первых, он не отражает реального жизненного ресурса для этих молодых людей, а скорее содержит информацию о желаемом ресурсе этой группы.

Фактор 3, названный **“Субкультура”** (12.51% объясняемой дисперсии данных), описывает отношение группы подростков к влиянию культуры

и формированию собственного культурного окружения. В этот фактор входят вопросы, касающиеся отношений со сверстниками, принадлежности к неформальным подростковым объединениям, стремления обрести единомышленников, противопоставить силе норм культуры и общества в целом коллективную силу подростковой группы, свою несамостоятельность, зависимость от норм подросткового сообщества (см. табл. 4).

Субкультура подростков играет одновременно роль обособления и соотнесения со взрослой культурой, в которой они часто выстраивают свою систему ценностей и норм, отталкиваясь от системы взрослого мира, противопоставляя себя ему [19]. Ю.Б. Гиппенрейтер в качестве одной из причин возникновения девиантного поведения называет “закрытость, недоступность культурно-исторического опыта человечества или обеднение, оскудение окружающей культурной среды обитания и социальной ситуации развития (конфликт между нормами культуры)” [7, с. 213]. В подростковой среде формируется альтернативное понимание стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов. Часто субкультура подростков приобретает черты, оппозиционные общепринятым нормам. Подростки из исследуемой группы ищут поддержки в алкоголе, неформальных молодежных движениях. Они не скрывают своей принадлежности к скинхедам (имеющим собственные искаженные представления о справедливости, честности, патриотизме [8]), бравлируя агрессией, смелостью, выносливостью. Важно отметить тот факт, что в рассматриваемый фактор вошел вопрос “Все в твоей жизни зависит от тебя?” с отрицательным значением нагрузки, что свидетельствует о том, что девиантное поведение выступает как форма разрешения негативных эмоциональных состояний, связанных с личностным самоопределением, характерным для подросткового возраста.

В то же время принадлежность к большой группе (стране), принятие традиций и культуры [36] несомненно являются для подростков фактором, повышающим их жизнеспособность; уменьшение регулирующей роли традиций может приводить к снижению социальной адаптированности [16]. Так, Г. Маккуббин и его коллеги, рассматривая модель жизнеспособности семьи и ее членов с позиции социологии, антропологии и социальной психологии, подчеркивают важную роль культурной и этнической идентичности в случаях переживания травматических событий в семье [37].

Таким образом, выделение фактора “Субкультура” среди наиболее значимых подтверждает вышесказанное: в подростковом возрасте происходит осознание явлений окружающей их действительности с общей тенденцией к идеализации

ряда явлений, которые, по их мнению, помогают им принять свою страну и свою культуру. В поддержке неформальных молодежных движений и склонности к взаимоотношениям с теми, кто злоупотребляет алкоголем, заложена, к сожалению, защитная реакция подростков исследуемой группы, что говорит о слабости ресурса подростковой субкультуры для формирования жизнеспособности.

В фактор 4, названный нами “Общество” (11.28% объясняемой дисперсии), вошли вопросы, оценивающие социализацию подростков – их досуг и профессиональное самоопределение (табл. 4). Известно, что досуг, реализующийся на основе доминирующих потребностей и мотивов поведения подростков, является хорошим “стимулом” для развития подростков, расширения диапазона интересов и созидательной активности. Как показывает практика, свободное времяпрепровождение подростков, при относительно низкой культуре его использования, не только не приносит ожидаемого расцвета творческих способностей, а напротив, превращается в криминальный фактор общества. В данном факторе, в который вошли вопросы “Ты считаешь, что досуг молодежи в нашей стране организован хорошо?” и “Ты уверен, что сможешь получить свою будущую профессию?”, по нашему мнению, отразилась социализирующая роль досуга, определяющая в некоторой степени возможность получения профессии в будущем. Можно предположить, что сведение досуга преимущественно к развлекательной функции снижает эффективность мероприятий в сфере профессиональной ориентации подростков.

Поскольку фактор “Общество” занимает одно из последних мест среди значимых факторов, можно сказать, что подростки обращены к обществу, рассчитывают на его поддержку, но оно не является их ресурсом в достаточной степени.

Фактор 5 “Страна” объясняет 11.08% дисперсии данных и включает вопросы “Тебе нравится страна, в которой ты живешь?” и “Ты чувствуешь себя защищенным в своей стране?” Проблемы, связанные с недостатками семейного воспитания и проявляющиеся в отсутствии толерантности, агрессивности, неуважения к личности ребенка со стороны родителей [26], приводят к тому, что подростки перестают рассчитывать на семью и ощущают потребность в защите со стороны социальных институтов государства. Это подтверждается результатами международного исследования, в котором было показано, что российские подростки используют социальную поддержку и надеются на нее чаще, чем американские [33]. Интересно также отметить, что у российских подростков преобладает социальный стиль совладающего поведения [12]. И хотя он трактуется как

относящийся к продуктивному стилю, постоянное обращение к другим людям как внешним ресурсам говорит о социальной зависимости и незрелости субъекта [30].

Специфика современной воспитательной ситуации в российском обществе характеризуется масштабностью социальных деформаций, и наиболее значимым провоцирующим их фактором является бедность значительной части российских семей с несовершеннолетними детьми [18]. Дж. Гарбарино считает, что современное “социально токсичное окружение” (термин Гарбарино) действует на здоровье детей так же, как зараженная вода, и следует обратить внимание, прежде всего, на “систему очистки воды”, а не обвинять детей или семьи в том, что они “пьют эту воду” [32, с. 152].

Среди факторов социального неблагополучия подростков, зависящих от состояния общества и страны в целом, можно выделить незащищенность социально-правового статуса подростков, в том числе нарушение их прав на образование, достойную жизнь, их незанятость в социально-значимых видах деятельности [14]. Дефицит внимания общества к подросткам в сочетании с недостаточной их социальной защищенностью и отказом семьи выполнять свои обязанности по отношению к ним приводят к серьезным нарушениям адаптации. Кардинальное изменение ситуации возможно в том случае, если государственные институты будут способны защищать своих граждан и люди смогут доверять им.

ВЫВОДЫ

1. Изучения жизнеспособности как индивидуальной способности человека управлять собственными ресурсами возможно с использованием теста оценки жизнеспособности детей и подростков *CYRM*, разработанного в рамках международного проекта по исследованию жизнеспособности и адаптированного на российской выборке.

2. По результатам применения национальной части теста *CYRM* жизнеспособность российских девиантных подростков описывается с помощью пяти факторов: “Личностные характеристики”, “Отношения”, “Субкультура”, “Общество”, “Страна” (в порядке убывания процента объясняемой дисперсии).

3. Факторы жизнеспособности у девиантных подростков имеют определенную специфику. Например, отношения в семье и со сверстниками рассматриваются подростками в качестве субъективно важного ресурса даже в том случае, когда это не соответствует объективной реальности. Личностные качества не являются ресурсом, но в наибольшей степени используются девиант-

ными подростками, потому что им приходится опираться в первую очередь на себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.А. Особенности самооценки подростков с делинквентным поведением // Дети России: насилие и защита. М.: РИПКРО, 1997. С. 108–111.
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
3. Валицкас Г.К., Гиппенрейтер Ю.Б. Самооценка несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 45–54.
4. Ваништендаль С. “Резильентность”, или оправданные надежды. Раненный, но не побежденный. Женева: Vice, 1998.
5. Венар Ч., Кериг П. Психопатология развития детского и подросткового возраста. СПб.: Прайм-Евразия, 2004.
6. Выготский Л.С. Педология подростка // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. С. 6–242.
7. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. М.: Изд-во Московского государственного ун-та, 1988.
8. Грошева Р.Н. Девиантные подростки-мальчики и уличная подростковая субкультура // Материалы V городской науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. М.: МГППУ, 2006. URL: <http://www.childpsy.ru/index.php?view=articles&item=2732&cat=&full=yes&print=yes>
9. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2004.
10. Залкинд А.Б. Педология: Утопия и реальность. М.: Аграф, 2001.
11. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
12. Крюкова Т.Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 5–15.
13. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
14. Мартынова М.С. Индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними в общей системе профилактики безнадзорности и правонарушений: социально-педагогический контекст: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Калининград, 2007.
15. Мэи Э., Вольф Д. Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: Прайм-Евразия, 2003.
16. Началдзян А.А. Этническая характерология. Ереван: Огебан, 2001.
17. Никитина Л.Е. Состояние и проблемы современного воспитания: идеология и принципы развития // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2003. № 2. С. 32–37.
18. Никитина Л.Е. Развитие воспитания в современном российском обществе. URL: <http://niisv.ru/dokl.htm>

19. Обухов А.С. Исследовательская деятельность как возможный путь вхождения подростка в пространство культуры. URL: http://www.researcher.ru/methodics/teor/teor_0003.html?xsl:print=1
20. Первин Л.А., Джон О.П. Психология личности. М.: Аспект Пресс, 2000.
21. Психология подростка / Под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
22. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.
23. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 2001.
24. Реминидт Х. Подростковый и юношеский возраст. М.: Мир, 1994.
25. Собкин В.С., Абросимова З.В., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. М.: ЦСО РАО, 2005.
26. Социально-экономические и культурные права молодежи в СНГ и основные препятствия их реализации. Аналитический отчет. М.: Бюро ЮНЕСКО, 2005.
27. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
28. Ярцев Д.В. Социально-психологические особенности становления современного подростка // Журнал практического психолога. 1999. № 12. С. 8–18.
29. International Project on Resilience. URL: http://www.resilienceproject.org/index.cfm?fuseaction=text.&str_cmpID=155
30. Frydenberg E., Lewis R. Adolescent coping: the different ways in which boys and girls cope // Journ. of Adolescence. 1991. V. 14. P. 119–133.
31. Gamezy N. Resiliency and vulnerability to adverse developmental outcomes associated with poverty // American Behavioral Scientist. 1991. V. 34. P. 416–430.
32. Garbarino J. Raising children in a socially toxic environment. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1995.
33. Jose P.E., D'Anna C.A., Cafasso L.L. et al. Stress and coping among Russian and American early adolescents // Developmental Psychology. 1998. V. 34. № 4. P. 757–769.
34. Luthar S.S., Cicchetti D., Becker B. The construct of resilience: a critical evaluation and guidelines for future work // Child Development. 2000. V. 71. P. 543–562.
35. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Social and cultural roots of Russian youth resilience: interventions by state, society, family // Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts / Ed. by M. Ungar. Thousands Oaks – L. – New Delhi: Sage Publications, 2005. P. 371–386.
36. Markus H.R., Kitayama S., Heiman R. Culture and “basic” psychological principles // Social psychology: Handbook of basic principles / Eds. E.T. Higgins, A.W. Kruglanski. N.Y.: Guilford, 1997. P. 857–913.
37. McCubbin H.I., McCubbin M.A., Thompson A.I. et al. Families under stress: what makes them resilient // Journ. of Family and Consumer Sciences. 1997. V. 89. P. 2–11.
38. Millstein S.G., Petersen A.C., Nightingale E.O. Adolescent health promotion: rationale, goals, and objectives // Promoting the health of adolescents: new directions for the twenty-first century. N.Y.: Oxford University Press, 1993. P. 3–10.
39. Plomin R., Daniels D. Why are children in the same family so different from each other? // Behavioral and Brain Sciences. 1987. V. 10. P. 1–16.
40. Rutter M., Scoufe L.A. Developmental psychopathology: concepts and challenge // Development and Psychopathology. 2000. V. 12. P. 265–296.
41. Shaw D.S., Winslow E.B., Flanagan C. A prospective study of the effects of marital status and family relations on young children's adjustment among African American and European American families // Child Development. 1999. V. 70. P. 742–755.
42. Ungar M. A thicker description of resilience // The International Journ. of Narrative Therapy and Community Work. 2005. № 3–4. P. 89–96.
43. Werner E.E. Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study // Development and Psychopathology. 1993. V. 5. P. 503–515.
44. Zimmerman M.A., Arunkumar R. Resiliency research: implications for schools and policy // Social Policy Report. 1994. V. 8. P. 1–17.

FACTORS OF DEVIANT ADOLESCENTS' RESILIENCE

A. I. Laktionova*, A. V. Makhnach**

* Junior research assistant, Psychological Institute of RAS, Moscow

** PhD, senior research assistant, the same place

The necessity of studying resilience as individual human ability to manage his own resources is demonstrated. The results presented in the framework of International Resilient Project for reliance evaluation of Russian children and adolescents. Such resilience factors as “Personal characteristics”, “Relationship”, “Subculture”, “Community”, and “Country” predetermining social adaptation of Russian children and adolescents are allotted.

Key words: resilience, factors of resilience, risk factors, questionnaire for reliance evaluation in children and adolescents, deviant adolescents.